

на самом деле в вузах отражается весь представленный в обществе политический спектр.

Наконец, хотя исторически обучение в государственных университетах действительно было прерогативой элиты, в последние годы они стали гораздо более демократичными. К примеру, по данным исследования социально-экономического портрета учащихся федеральных вузов за 2018 год, 70% студентов бакалавриата происходит из семей с уровнем дохода менее 1500 бразильских реалов (около 370 долларов США) в месяц. Повышению разнообразия студенческого контингента и сокращению социального неравенства в стране также способствуют введенные в федеральных вузах квоты для выпускников государственных школ и для представителей меньшинств.

Хотя скандальные заявления президента и его министра образования и предлагаемые ими жесткие экономические меры встречают недовольство со стороны общества и привлекают международное внимание, мы полагаем, что это пока всего лишь первые шаги на пути к, возможно, непоправимой катастрофе для бразильской науки и высшего образования.

Высшее образование в Мексике: «меньше, но больше»

**Роберто Родригес-Гомес,
Альма Мальдонадо-Мальдонадо**

Роберто Родригес-Гомес — исследователь Института социологических исследований Национального автономного университета Мексики. E-mail: roberto@unam.mx.

Альма Мальдонадо-Мальдонадо — сотрудник Управления образовательных исследований Центра науки и перспективных исследований Национального политехнического института (CINVESTAV) в Мехико (Мексика). E-mail: almaldo2@gmail.com.

Андресу Мануэлю Лопесу Обрадору после двух неудачных попыток удалось выиграть выборы и стать президентом Мексики на 2018–2024 годы. Его идеи относительно высшего образования можно определить как неопопулистские. В этой статье мы поговорим о том, что такое неопопулизм, сравним планы нового президента с планами неопопулистских правительств других латиноамериканских стран и обсудим проблемы высшего образования в Мексике.

Неопопулизм и высшее образование

Политологи, социологи и историки используют концепцию неопопулизма для описания правительств, возглавляемых харизматичными лидерами и проводящих социальную политику, направленную на расширение общественной поддержки с целью легитимизации собственных проектов. Неопопулизм характеризуется эрозией и даже разрушением политических и юридических институтов и системы сдержек и противовесов, которые могли бы противостоять решениям президента. Неопопулистские правительства подрывают доверие общества к гражданским и негосударственным организациям и поощряют нападки на отдельных людей, группы лиц и СМИ, позволяющие себе критиковать власти.

В контексте образования типичная для Латинской Америки неопопулистская политика приводит к массовизации всех уровней образования, расширению государственных стипендиальных программ и объемов индивидуальной финансовой помощи, внедрению политики равных возможностей ради поддержки наиболее уязвимых групп населения и, наконец, к снижению интереса к международным экспертным оценкам и стандартизированным тестам. В общем, подобные политические режимы делают ставку не на качество, а на количество. Основные инструменты образовательной политики у неопопулистских правительств — это огромный стипендиальный фонд и расширение приема в вузы. Типичный пример — программы, действующие в Бразилии и Аргентине.

Лула да Силва, президент Бразилии с 2003 по 2011 год, начал реализовывать программу финансовой помощи студентам частных университетов «Университет для всех» (сокращенное название ProUni). Его преемница Дилма Русеф, возглавлявшая страну с 2011 по 2016 год, не стала закрывать эту программу и даже расширила ее, добавив еще два инструмента финансовой помощи студентам. К концу правления Русеф в «Университете для всех» приняло участие в общей сложности 2,5 млн студентов. А в рамках Программы по реструктуризации и расширению федеральных университетов (Reuni) было создано 30 новых федеральных институтов и 25 университетских кампусов.

В Аргентине при президенте Кристине Фернандес де Киршнер (2007–2015 годы) действовала программа PROGRESAR, в рамках которой студенты, находившиеся на грани того, чтобы бросить учебу, могли получить финансовую помощь или пройти профессионально-техническую переподготовку. Этим воспользовалось около 320 тыс. студентов. Кроме того, было создано 18 новых университетов национального значения и 5 — провинциального. Похожие программы были реализованы в Эквадоре при президенте Рафаэле Корреа, который возглавлял страну в 2007–2017 годах, и в Венесуэле при Уго Чавесе, который правил с 1999 по 2013 год. Эти программы заслуживают дальнейшего изучения.

Трудности с преодолением экономического кризиса и коррупция во многом объясняют, почему на выборах последних лет в Аргентине и Бразилии победили партии правого толка. В 2015 году президентом Аргентины стал Маурисио Макри, в Бразилии в 2016 году победил Мишел Темер, которого в 2019 году сменил Жаир Болсонару. Правительство Макри продолжило реализацию ряда инициатив, которые начала Киришнер, но при этом снизило бюджетные расходы на высшее образование, науку и технологии в попытке привлечь дополнительные частные инвестиции. В Бразилии Темер тоже не стал закрывать начатые да Силвой и Русеф программы, но при этом также сократил бюджет. При Болсонару начались более резкие изменения, которые связаны не только с финансированием высшего образования и науки, но и с введением ограничений на университетскую автономию.

Основные инструменты образовательной политики у неопопулистских правительств — это огромный стипендиальный фонд и расширение приема в вузы.

Новый политический курс

На волне этих тенденций Лопес Обрадор обещал в ходе своей предвыборной кампании отменить вступительные экзамены в вузы, сделать высшее образование бесплатным для всех, а малоимущим еще и обеспечить стипендию. Он также обещал открыть сто новых университетов («университетов имени Бенито Хуареса»), образовательная программа которых должна соответствовать нуждам местной экономики и которые будут обеспечивать высшим образованием даже представителей наиболее уязвимых групп населения из беднейших регионов страны. На реализацию этих планов выделен 1 млрд песо (около 52,6 млн долларов США).

Первый удар

На заседании Национальной ассоциации университетов и высших учебных заведений (ANUIES) в августе 2018 года Лопес Обрадор заявил, что в случае его избрания расходы на высшее образование останутся неизменными (в Мексике более 90% бюджета государственных вузов обеспечивается за счет субсидий). Тем не менее план бюджета на 2019 год, представленный в ноябре 2018 года, включал в себя 32-процентное сокращение расходов на высшее образование в соответствии с политикой строгой экономии, что, конеч-

но, не понравилось университетам. И вузам удалось отбиться, по крайней мере некоторым. Субсидии автономным государственным университетам были доведены до уровня 2018 года с поправкой на инфляцию, остальным государственным вузам (которые подчиняются центральному управлению по делам образования) не удалось миновать сокращений. Сократился и резервный фонд — государственные средства, распределяемые на конкурсной основе. Всего затраты на высшее образование снизились в 2019 году на 1,7 млрд песо (90,3 млн долларов США), что в относительном выражении составило с учетом инфляции 6,2%.

Реформа нормативно-правовой базы: новые поводы для споров

Конгрессменам от правящей партии пришлось пересмотреть и изменить президентский проект конституционной реформы, обнародованный 12 декабря 2018 года. Президент предлагал отменить автономию университетов. Но несмотря на провластное парламентское большинство, законодатели все же решили поискать компромиссное решение, что означало необходимость пересмотра практически всех аспектов президентской инициативы. Так что итоговый вариант реформы не просто утвердил автономию университетов, но и обязал правительство расширять набор в государственные вузы, чтобы зачислять всех соответствующих вступительным требованиям абитуриентов. Кроме того, реформа гарантирует бюджетное финансирование для реализации принципа бесплатного обязательного образования.

Больше за меньшие деньги?

В вузах Мексики учится 4,3 млн студентов (66,5% — в государственных вузах, 33,5% — в частных), что составляет 39% всей молодежи в возрасте 18–22 лет. Правительство Лопеса Обрадора поставило перед собой цель не позднее 2024 года обеспечить всем выпускникам школ доступ к высшему образованию. Для этого в вузах необходимо дополнительно открыть 1,9 млн мест — в среднем по 300 тыс. в год. Такими темпами к 2024 году в вузах должно будет учиться более 55% молодежи. С учетом того, что численность студентов и так ежегодно растет на 150 тыс. человек, получается, что вузы должны удвоить текущие показатели, что представляется непосильной задачей на фоне сокращения бюджета на высшее образование. Пока у правительства нет никакой конкретной стратегии для достижения поставленных целей. Даже если «университеты имени Бенито Хуареса» действительно откроются и заработают в полную силу, они смогут принять не более 2% от общего числа студентов в стране.

Наконец, несмотря на победу оппозиции в вопросе реформы высшего образования, перспективы его печальны. Перераспределение ресурсов в пользу расширения стипендиального фонда и сокращение прямого финансирования вузов и науки, а также программ развития технологий, инноваций и международного

сотрудничества могут стать смертным приговором для перечисленных направлений деятельности. В условиях неопопулизма мексиканскому высшему образованию вряд ли удастся сохранить международные стандарты качества и остаться конкурентоспособным.

Международная студенческая и кадровая мобильность: переоценка проблемы утечки мозгов

Раджика Бхандари

Раджика Бхандари — советник по исследованиям и стратегии, а также директор Центра изучения академической мобильности Института международного образования (ИЕ), США. E-mail: rajika_bhandari@yahoo.com.

Мировая студенческая мобильность — феномен по-прежнему преимущественно однонаправленный: молодежь из развивающихся стран, или «глобального Юга», стремится применять свои знания и таланты в развитых странах, или странах «глобального Севера». Восемь из десяти стран, наиболее востребованных у международных студентов, расположены в развитом мире, и в них обучается в общей сложности около 60% из 5 млн студентов, обучающихся за пределами родных стран. Около четверти от общемирового числа мобильных студентов составляют граждане Китая и Индии. Нельзя, однако, игнорировать тот факт, что популярность набирают и новые, нетрадиционные направления студенческой мобильности (например, Китай), а также то, что растет мобильность внутри регионов и между странами «глобального Юга».

Несмотря на эти новые тенденции, уровень исходящей мобильности из Китая и Индии по-прежнему очень высок и по количественным, и по качественным показателям. К примеру, в 2017 году за пределами родной страны обучалось 869 387 китайцев и 306 000 индийцев. Это немного, если говорить в абсолютных цифрах от общего числа молодежи студенческого возраста этих стран, — 1% в Китае и 0,3% в Индии, но за этими низкими пропорциями скрывается качество уезжающих студентов и человеческий капитал, который они увозят за рубеж. Качество — субъективный показатель, но его можно оценить, посмотрев на то, чему учатся индийские и китайские студенты за рубежом, так как определенные дисциплины и образовательные программы более высокого уровня отражают более значимый положительный эффект для прини-

мающих стран и экономик. В США, к примеру, почти половина студентов из Индии обучается на программах уровня магистратуры и выше, причем 81% — в сфере точных наук, технологий, инженерного дела и математики. Если говорить о китайцах в США, то пока среди них преобладают студенты бакалавриата, хотя 36% учится в магистратуре или аспирантуре.

Переоценивая проблему утечки мозгов

В 1950-х и 1960-х все говорили о проблеме «утечки мозгов» и некоторые называли ее одной из форм неокOLONиализма. К началу XXI века дискурс изменился, и теперь говорят о «циркуляции умов» или даже о «притоке мозгов». Многие утверждают, что отток человеческого капитала из развивающихся стран компенсировался сбалансированным обменом знаниями, что сейчас уже речь идет о долгосрочном международном сотрудничестве между равноценными партнерами и что, посылая денежные переводы на родину, эмигранты вносят значительный экономический вклад в развитие своих стран. Впрочем, по текущим оценкам миграционной ситуации, большинство иммигрантов сосредоточено в странах развитого мира, а эмигрируют чаще всего из развивающихся стран: из Азии, Африки и Латинской Америки. Данные о том, какой процент мигрантов остается в принимающей стране, а какой — возвращается на родину, показывают, что большая доля студентов, которые приезжают из развивающихся стран, предпочитает остаться в принимающей стране и что регионы типа Африки по-прежнему страдают от утечки человеческого капитала в форме студенческой мобильности. В 2017 году почти 90% аспирантов-индийцев и 83% аспирантов-китайцев, обучавшихся в США, планировали остаться в стране после окончания обучения. Более того, 80% иностранцев, получающих в США степень PhD в сфере точных наук, технологий, инженерного дела или математики, после окончания аспирантуры остаются там работать.

Что могут сделать отправляющие и принимающие страны

Для обеспечения информационного баланса между отправляющими и принимающими странами нужно понимать, что мотивация международных студентов из развивающихся стран в корне отличается от мотивации их ровесников из развитых стран. Возьмем для примера индийских студентов: их основная мотивация к обучению на Западе не связана с желанием участвовать в культурном обмене или выучить иностранный язык. Они более прагматичны: ими движет стремление к профессиональному развитию и нехватка качественных вузов внутри страны. Это соответствует гипотезам «ограниченности образовательного выбора» и «миграции в поисках трудоустройства». Миграционные потоки между развитыми странами, например между Европой и США, наоборот, часто